

Linguistic, cultural and religious identity of indigenous peoples: new regional practices in Siberia

DOI: 10.31551/2410-2725-2019-5-3-431-445

Filippova Natalia Alekseevna

Doctor of Law, candidate of Political Science, associate Professor, Head of the Department of State and Municipal Law of Surgut state University. Russian Federation, 628416, Surgut, Lenin Ave. 1. E-mail: filip64@mail.ru

Annotation. The right to preserve ethnic identity is universal, but its maintenance and implementation has significant features in relation to aboriginal ethnic groups. The preservation of the language, culture and traditional beliefs of such peoples requires the formation of special national social and legal institutions. The solution to this problem is more difficult in federal States than in unitary States, since it requires a division of powers between the levels of state power.

The subject of the study was the practice of ensuring linguistic, cultural and religious identity in the subjects of the Russian Federation, geographically located in the Asian part of Russia (namely, in Siberia), since this region is home to the largest number of such peoples and regional policy in this matter is the most diverse.

The author defines the national features of the constitutionalization of the legal status of indigenous peoples in Russia, proves their historical conditionality; the author systematizes the main challenges faced by indigenous peoples in the formation of industrial and post-industrial (information) culture, analyzes the regional practice of preserving the languages of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East in terms of information communication and dialect dissociation of such languages, shows that the main factor in the preservation of original culture is the traditional way of life, which is transformed in the conditions of industrial development of the territories of traditional economic activity of these peoples; the directions of its institutional and legal protection are named. The most pronounced and often irreversible are the assimilation processes in the religious sphere, less pronounced are the assimilation processes in education, communication and everyday life.

Taking into account the latest trends in the development of Federal and regional legislation, regional institutions for the protection of the rights of indigenous minorities of the North, Siberia and the Far East are systematized, and regional models of commissioners for the rights of indigenous minorities in the constituent entity of the Russian Federation, which is a unique regional legal institution, are described.

Keywords. Indigenous minorities; indigenous peoples; aboriginals; identity; authorized representatives of indigenous peoples; the Commissioner for the rights of indigenous minorities in the subject of the Russian Federation.

Байырғы халықтардың тілдік, мәдени және діни ұқсастығы: Сібірде жаңа діни тәжірибені қамтамасыз ету.

Филиппова Наталья Алексеевна

заң ғылымдарының докторы, саяси ғылымдардың кандидаты, доцент, Сургут мемлекеттік университетінің мемлекеттік және муниципалдық құқық кафедрасының меңгерушісі. Ресей Федерациясы. 628416, Сургут қ., Ленина даңғылы 1. E-mail: filip64@mail.ru

Аңдатпа. Этникалық бірегейлікті сақтау құқығы әмбебап болып табылады. Бірақ аборигендік этностарға қатысты оны қамтамасыз ету және жүзеге асыру маңызды ерекшеліктерге ие. Бұндай халықтардың тілін, мәдениетін және дәстүрлі сенімін сақтау арнайы ұлттық әлеуметтік және құқықтық институттардың қалыптасуын талап етеді. Унитарлыққа қарағанда федеративті мемлекеттерде бұл міндеттерді шешу күрделірек, себебі, мемлекеттік билік деңгейлері арасында өкілеттіліктердің шекарасын талап етеді. Зерттеу пәні ретінде Ресейдің азиялық бөлігінде (атап айтқанда, Сібірде) аумақтық жағынан орналасқан ресей Федерациясының субъектілеріндегі тілдік, мәдени және діни бірегейлікті қамтамасыз ету тәжірибесі есептеледі. Себебі, бұл аймақта осындай халықтардың едәуір көп бөлігі орналасқан және бұл мәселеде аймақтық саясат әр алуан болып табылады.

Автор Ресейдегі байырғы халықтардың ұлттық ерекшеліктеріне тән құқықтық жағдайының Конституцияда айқындалуына назар аударып, оның тарихи негіздемесін дәлелдейді; индустриалды және постиндустриалды (ақпараттық) мәдениеттің қалыптасуы жағдайында байырғы халықтардың негізгі мәселелері жүйеленген, қарым-қатынастың ақпараттанған және бұл тілдердің диалектілік әртүрлілігі жағдайында Солтүстік, Сібір және Қиыр Шығыстың аз

байырғы халықтардың тілдерін сақтау жөніндегі аймақтық саясат талданған. Өзіндік мәдениетті сақтауда басты фактор - осы халықтардың дәстүрлі шаруашылықтық аумағын өнеркәсіптік игеру жағдайындағы дәстүрлі өмір салты екендігі көрсетілген; оның институционалды және құқықтық қорғау бағыттары аталған. Діни саладағы ассимиляциялық үрдістер ерекше айқын және үнемі қайтымсыз болса, білім, коммуникация және тұрмыс саласындағы ассимиляциялық үрдістер айқын көрінбейді.

Федералды және аймақтық заңнаманы дамытудағы жаңа тенденциялардың арқасында Солтүстік, Сібір және Қиыр Шығыстың байырғы аз халықтарының құқықтарын қорғаудың аймақтық институттары жүйеленген, ерекше аймақтық құқықтық институт болып табылатын Ресей Федерациясының субъектіндегі байырғы аз халықтардың аймақтық моделдеріне сипаттама берілген.

Түйін сөздер: байырғы аз халықтар; байырғы халықтар; аборигендер; бірегейлік; байырғы халықтардың өкілетті өкілдері; Ресей Федерациясының субъектінде байырғы аз халықтардың құқықтары жөніндегі уәкіл.

Языковая, культурная и религиозная идентичность коренных народов: новые региональные практики обеспечения в Сибири

Филиппова Наталья Алексеевна

доктор юридических наук, кандидат политических наук, доцент, заведующая кафедрой государственного и муниципального права Сургутского государственного университета. Российская Федерация, 628416, Сургут, пр. Ленина 1. E-mail: filip64@mail.ru

Аннотация. Право на сохранение этнической идентичности является универсальным, однако его обеспечение и реализация имеют существенные особенности применительно к аборигенным этносам. Сохранение языка, культуры и традиционных верований таких народов требует формирования специальных национальных социальных и правовых институтов. В федеративных государствах решение этой задачи сложнее, чем в унитарных, так как требует разграничения полномочий между уровнями государственной власти.

Предметом исследования стали практики обеспечения языковой, культурной и религиозной идентичности в субъектах Российской Федерации, территориально расположенных в азиатской части России (а именно, в Сибири), поскольку в этом регионе проживает наибольшее количество таких народов и региональная политика в этом вопросе наиболее разнообразна.

Автором определены национальные особенности конституционализации правового положения коренных народов в России, доказана их историческая обусловленность; систематизированы основные вызовы, с которыми сталкиваются коренные народы в условиях формирования индустриальной и постиндустриальной (информационной) культуры, проанализированы региональные практики сохранения языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в условиях информатизации общения и диалектной разобщенности таких языков, показано, что главным фактором сохранения самобытной культуры является традиционный образ жизни, который трансформируется в условиях промышленного освоения территорий традиционной хозяйственной деятельности этих народов; названы направления его институциональной и правовой защиты. Наиболее выраженными и часто необратимыми являются ассимиляционные процессы в религиозной сфере, менее выраженными – ассимиляционные процессы в сфере образования, коммуникации и быта.

С учетом новейших тенденций в развитии федерального и регионального законодательства систематизированы региональные институты защиты прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, дана характеристика региональных моделей уполномоченных по правам коренных малочисленных народов в субъекте Российской Федерации, который является уникальным региональным правовым институтом.

Ключевые слова. Коренные малочисленные народы, коренные народы, аборигены, идентичность, полномочные представители коренных народов, уполномоченный по правам коренных малочисленных народов в субъекте Российской Федерации.

УДК/UDC323.174; 341.234

**Языковая, культурная и религиозная идентичность коренных народов:
новые региональные практики обеспечения в Сибири***Н.А. Филиппова*

Введение. В мире существует ограниченное количество федеративных государств, на территориях которых проживают коренные народы, наделенные особым правовым статусом. Это Австралийский Союз, Канада, США, федеративные государства Латинской Америки и Россия. К группе этих федераций можно было бы отнести и Индийский Союз, но национальная принадлежность сама по себе не является существенным признаком обособления общностей в этом государстве; значительно более важными являются кастовая, лингвистическая и религиозная идентичность. Еще более коротким является перечень тех федеративных государств, в которых правовой статус аборигенов особо урегулирован национальной конституцией (что означает обязательство отказа от их ассимиляции): это Канада, Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Россия, США и, с существенными оговорками, Австралийский Союз (Ананидзе, Куцуров, 2016:369). Конституция Мексики соответствующих положений не содержит, но законы об индейцах здесь также имеются (Ананидзе, 2000:109).

Как правило, конституционализация правового положения коренных народов (First Nations, как их называют в Канаде) – длительный исторический процесс, охватывающий столетия и завершающийся включением в основной закон государства соответствующего раздела (главы) или статьи. В Канаде, по оценкам специалистов, этот процесс был начат в конце XVIII века (Королевская декларация 1763 года) и завершился к концу XX столетия (Максимова, 2017). Российский путь конституционализации статуса коренных малочисленных народов подтверждает это правило. Его начало следует отнести к моменту принятия первых кодифицированных правовых актов (Устав об инородцах 1822 года и Положение об инородцах 1892 года). Окончание – к моменту принятия действующей Конституции РФ: статья 69 Конституции утверждает, что Россия «гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации».

Вместе с тем, российский вариант решения задачи конституционализации прав аборигенов существенным образом отличается от канадского, североамериканского и латиноамериканских образцов тем, что конституционное законодательство субъектов РФ также может содержать специальные положения, нацеленные на защиту прав таких этнических групп. При этом региональные практики очень вариативны, вплоть до притязаний на более последовательное отражение международных стандартов аборигенного права в региональном законодательстве и региональной правовой политике (Республика Якутия), что обусловлено исторически (Гоголев, 2014).

Во-первых, в российском федеральном праве и законодательстве особым образом определен исследуемый субъект конституционных прав: это не все коренные народы, а только те из них, которые являются еще и малочисленными, то есть насчитывают менее 50 тысяч представителей.

Во-вторых, в совокупности качественных признаков принадлежности народов к числу коренных и малочисленных приоритетное значение имеет

признак сохранения традиционного образа жизни (признак традиционности в строгом смысле этого слова), но не признак исконного проживания (признак аборигенности). Официальные дефиниции указывают на оба качества, но содержательную законодательную конкретизацию получил только первый признак, более того, второй рассматривается как составная часть первого и не имеет самостоятельного юридического смысла.

В-третьих, соответствующие положения Конституции отнесены не к разделу прав человека или специальному разделу о правах этих этнических сообществ, с последующим отражением в других (конкретизирующих) положениях конституций (примерами такого подхода являются статья 25 Конституции Канады; глава VIII Конституции Венесуэлы и другие), но исключительно к главе III Конституции, «Федеративное устройство».

В-четвертых, обеспечение и защита прав коренных малочисленных народов и лиц, относящихся к ним, отнесены к предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. В то время как преобладающей моделью правового регулирования является отнесение этих вопросов к исключительно федеральному ведению (США, Канада, Аргентина, Венесуэла и др.). Эта особенность обусловлена как нетипично большим количеством субъектов РФ, в том числе и таких, в которых проживают коренные малочисленные народы России, так и значительным количеством и многообразием самих таких народов. В частности, одному из субъектов РФ, Республике Дагестан, предоставлено право самостоятельно устанавливать перечень таких народов, проживающих на территории этой республики (он включает 14 народов), в дополнение к общероссийскому перечню, определенному постановлением Правительства РФ от 24 марта 2000 года № 255 «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» (47 народов). Кроме того, в особую подгруппу выделены те коренные малочисленные народы, которые проживают на Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке. В настоящее время это фактически 38 (а не 40) народов в 25 (а не в 28) субъектах Российской Федерации. Количество субъектов РФ было сокращено за счет их объединения, причем в процессе интеграции статус самостоятельных государственных образований потеряли 6 автономных округов, титулы которых были связаны с коренными малочисленными народами. Эти территории стали частью новых краев и областей. Два народа можно считать исчезнувшими со времени переписи населения в 2010 году (Данные, 2010).

Описанные обстоятельства поспособствовали формированию многообразных региональных практик, складывающихся в сфере обеспечения притязаний коренных малочисленных народов на языковую, культурную и религиозную идентичность. Это особенно заметно в Сибири, где субъекты РФ, как правило, территориально обширны и обладают некоторой автономией в проведении внутренней политики по данному вопросу. Лучшие региональные практики становятся модельными. В таком качестве они интегрируются в федеральную политику и впоследствии находят отражение в федеральном законодательстве.

Материалы и методы. Обобщение практик сохранения языковой, культурной и религиозной идентичности основано на анализе программных и стратегических документов субъектов РФ, их законов, подзаконных актов, принятых органами государственной власти субъектов РФ, на территориях которых проживают коренные малочисленные народы. Особое внимание было уделено наиболее успешным в этом отношении регионам – Республике Саха

(Якутии), Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре, Ямало-Ненецкому автономному округу, Забайкальскому краю и некоторым иным регионам Сибири. Использовались результаты социологических, этнографических, исторических и правовых исследований; основными методами работы стали методы сравнения, формального правового анализа, системного анализа.

Обсуждение. Междисциплинарных обобщений региональных практик сохранения языковой, культурной и религиозной идентичности в Сибири пока не проводилось. Имеется значительное количество исследований зарубежной практики сохранения культуры таких народов (работы Ф.Р. Ананидзе (Ананидзе, 2000), Р.Ш. Гарипова (Гарипов, 2012), П.И. Костогрызова (Костогрызов, 2017) и др.), истории, педагогики, этнографии коренных народов (А.Л. Арефьев (Арефьев, 2014), В.Г. Белолюбская (Белолюбская, 2014), Н.П. Копцева (Копцева, 2014), А.Н. Фролова (Фролова, 2009) и др.). Фактически, задачи интегративного подхода решают юридические исследования этой проблемы, в частности, работы В.А. Кряжкова (Кряжков, 2010) и П. Гоголева (Гоголев, 2014).

Результаты. Одним из наиболее очевидных условий обеспечения идентичности коренных малочисленных народов является условие сохранения родного языка. Традиционные угрозы жизнеспособности языков малых этносов хорошо известны и описаны (Арефьев, 2014). Это: тенденция языковой ассимиляции в системе образования, замещение двуязычия доминирующим языком, который и становится языком общения; дефицит учителей, способных обучать родному языку; дефицит соответствующей учебной и методической литературы. Но наряду с этими угрозами возникают новые, пока недостаточно исследованные специалистами.

Глобальной проблемой для всех языков малочисленных общностей, а не только для языков коренных народов, стала информатизация общения. К настоящему времени в сети Интернет используется примерно четыре сотни языков из почти 6700 существующих. Языки, включенные в киберпространство, более востребованы, шансы их сохранения выше. В России такими языками оказались государственные языки: русский язык и титульные языки республик в составе Российской Федерации. На этих языках создаются сайты официальной информации, онлайн-словари, иные программные продукты. Языки коренных малочисленных народов в киберпространство, как правило, не включены. Для молодого поколения это оказывается одним из факторов отказа от использования родного языка. Специально эта проблема рассматривалась в рамках Всемирной экспертной встречи «Многоязычие в киберпространстве в интересах инклюзивного устойчивого развития» 4-9 июня 2017 года в г. Ханты-Мансийске (В июле 2019 года аналогичная международная конференция состоялась в г. Якутске).

Итоговым документом этой встречи стала «Югорская декларация о сохранении языков и развитии языкового разнообразия в киберпространстве в интересах устойчивого развития» (Югорская, 2017). Предложения, прозвучавшие в Югорской декларации, были направлены ЮНЕСКО как агентству ООН в преддверии Года языков коренных народов (2019 г.). Из десяти прозвучавших предложений выделяю следующие:

1) поощрять носителей наименее используемых языков к освоению компетенций (в том числе медийно-информационной грамотности), позволяющих им создавать, документировать и распространять автохтонные знания, которые могут быть полезны для остального мира, осознавая эти знания как свое уникальное преимущество, а также продвигать собственный

уникальный контент, при этом уделяя особое внимание навыкам контент-маркетинга;

2) поддерживать инициативы по подготовке преподавателей и учащихся для сбора и документирования обширных знаний, существующих на местных языках, с целью разработки и распространения на их основе цифрового контента, в том числе открытых образовательных ресурсов; подчеркивать необходимость оснащения школ и университетов соответствующим оборудованием и программным обеспечением;

3) способствовать созданию постоянной обсерватории эволюции языков в киберпространстве, накапливающей, в том числе, и статистический материал, особенно в отношении языков, слабо представленных или отсутствующих в киберпространстве;

4) содействовать созданию онлайн-многоязычного журнала, посвященного исследованиям и передовым методам обеспечения доступа к киберпространству для языков, особенно тех, которые отсутствуют или слабо представлены в киберпространстве.

Как будет показано ниже, региональные практики сохранения языков коренных малочисленных народов учитывают эти предложения и отчасти реализуют их.

Помимо общих проблем сохранения языкового многообразия, имеются и такие проблемы, которые характерны именно для языков аборигенов. Одной из таких специфических проблем является отсутствие единых норм и правил орфографии, а также общей графической основы у некоторых языков. Она усугубляется тем, что проживают коренные малочисленные народы разрозненно и нередко говорят на обособившихся диалектах одного и того же языка. Например, в языке ханты выделяют две большие группы диалектов, западную и восточную, которые также делятся на отдельные подгруппы. Определение единой орфографической и графической основы таких языков имеет как лингвистическую, так и правовую составляющую. И если содержание первой очевидно (необходимо создать свод орфографических и графических норм и правил, который был бы общим для всех диалектов, обеспечить единство языка и его выживание), то содержание второй требует пояснений. А именно: свод таких правил должен иметь официальное закрепление (закрепление определенным правовым актом). В условиях федеративного государства возникает вопрос о юридической форме этого акта: будет ли это закон или подзаконный акт, федеральный или региональный акт.

Необходимо отметить, что российская модель разграничения предметов ведения и полномочий предполагает право субъектов Российской Федерации на опережающее правовое регулирование по вопросам, отнесенным к предметам совместного с Федерацией ведения. Это означает, что в отсутствие федерального закона такой вопрос регулируется законом субъекта РФ (Шаромоянц, 2016). Вместе с тем, проведенная в 2003 году «реформа полномочий» существенно ограничила законодательную компетенцию парламентов субъектов РФ, ограничив ее закрытым перечнем вопросов, отнесенных к полномочиям субъектов РФ по предметам совместного ведения, о чем мы подробно писали ранее (Филиппова, 2008). В ряду этих вопросов не оказалось полномочий по защите языков коренных малочисленных народов (как и ряда иных полномочий по защите их прав). И только в результате изменения федерального законодательства в 2019 году к полномочиям высших органов исполнительной власти субъектов РФ были отнесены полномочия по защите прав коренных малочисленных народов и других

национальных меньшинств; а в перечне вопросов местного значения муниципального района, муниципального и городского округа появился вопрос реализации прав коренных малочисленных народов (О внесении, 2019).

Попытка установления единой орфографической основы аборигенных языков в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре выявила проблему разного толкования разграничения компетенции в этом вопросе с точки зрения федеральных органов государственной власти и с точки зрения органов государственной власти субъекта РФ, что обусловлено пробелами федерального законодательства. Последнее решение по этому вопросу принималось исполнительным комитетом Совета народных депутатов Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области 25 апреля 1990 года: этим решением был определен усовершенствованный алфавит народов ханты и манси. Но в тот момент еще не была принята действующая Конституция, не разграничены соответствующие полномочия, округ еще не имел статуса самостоятельного субъекта РФ. Закон Российской Федерации от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» (в его действующей редакции) и Конституция РФ (1993 г.) также не содержат положений и разграничений полномочий в сфере защиты языков коренных малочисленных народов. Нет таких положений и в перечне пункта 2 статьи 26.3 Федерального закона от 06 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Но даже если субъект Федерации воспользуется своим правом на опережающее правовое регулирование (именно так, по мнению чиновников федеральных ведомств, и следует делать), он не сможет своим законом решить проблему установления единых правил орфографии и общую графическую основу для всех диалектов языка коренных народов. Так как часть носителей этого языка нередко проживает в другом субъекте РФ. Например, ханты являются жителями 6 субъектов РФ. Соответственно, решение этой задачи, по мнению региональных властей, должно состояться на федеральном уровне.

Несмотря на имеющиеся вызовы, в регионах Сибири имеются успешные практики, направленные на сохранение языков коренных малочисленных народов. Для понимания различий в региональных практиках важно учитывать, что только республики в составе РФ вправе учреждать собственные государственные языки (государственным, к примеру, является язык коми), иные субъекты РФ это делать не вправе. Однако они нередко предоставляют языкам коренных малочисленных народов, проживающих на территориях таких субъектов РФ, статус официальных языков.

Так, в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре принят специальный закон о языках коренных малочисленных народов Севера; утверждена и реализуется «Концепция по обучению родным языкам, литературе и культуре коренных малочисленных народов Севера, проживающих в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре». Как следствие, к 2018 году изучение родного языка этих народов обеспечено в 28 школах, 10 детских садах и 4 организациях дополнительного образования. Доля детей, изучающих родные языки, составила более 24% от общего количества детей коренных народов (Гарантии, 2019: 217). Имеется опыт проведения различных олимпиад и конкурсов по родным языкам, среди которых особо можно выделить «Фронтальный диктант на хантыйском, мансийском и ненецком языках», проводимый в Международный день родных языков (21 февраля). На языках

ханты и манси выходят газеты «Ханты ясанг», «Луимасэрипос», радио- и телепрограммы на региональных телеканалах, создан «Театр обско-угорских народов – Солнце».

Мониторинг языковой ситуации проводится в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов с интервалом один раз в 3-5 лет. По итогам последнего опроса лиц, относящихся к числу коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре, 48% из них назвали родным язык ханты, 25,1% - язык манси, 0,5% - ненецкий язык. Но 24,5% (почти четверть респондентов) считают родным для себя русский язык, а не язык своей этнической группы (Гарантии, 2019: 221).

Особые практики сохранения и защиты языков коренных малочисленных народов сложились в Якутии. В местах компактного проживания аборигенов их языки (эвенский, юкагирский, эвенкийский, долганский, чукотский) также признаны официальными. Статус государственного имеет язык саха (или якутский язык), который, с точки зрения конституционного права Якутии, является языком коренного народа. Вместе с тем, в федеральном перечне такого народа нет по причине его многочисленности. Якутов в России почти 480 000.

Но наиболее удачная практика сохранения языков коренных народов в этой Республике – это практика создания кочевых школ, где такие языки могут изучаться системно. Как отмечает В.Г. Белолюбская, «в школах разработаны индивидуальные образовательные маршруты учащихся, образовательный процесс учитывает годовой производственный цикл родовых общин, внедряются технологии интенсивного обучения родному языку» (Белолюбская, 2014: 113). Эту практику заимствуют и другие регионы Сибири, в частности, Ямало-Ненецкий автономный округ и Югра.

Сохранение культуры коренных малочисленных народов – не менее сложная задача. Во-первых, это сохранение этнографического содержания культуры (фольклора, традиционных праздников, традиционных видов ремесел и художественного творчества), что достигается за счет создания сети специальных музеев, центров, иных этнографических центров, формирования Реестров объектов нематериального культурного наследия коренных малочисленных народов в ряде субъектов РФ. Во-вторых, это сохранение хозяйственной и бытовой культуры, собственно, образа жизни и хозяйственной деятельности. В данном случае речь идет об обеспечении возможности заниматься традиционными видами деятельности (оленоводство, рыболовство и охота). В связи с отсутствием федерального законодательного регулирования, некоторыми субъектами РФ приняты законы об оленеводстве; о факториях; о традиционных видах спорта (которые связаны с традиционными видами деятельности) и др. Практики сохранения культуры коренных народов в регионах Сибири в целом похожи и устойчивы, некоторое изменение подходов наблюдается в возрастающем интересе к развитию этнотуризма (например, проведение летних этноэкологических школ в Якутии). Уникальным примером законодательного обеспечения сохранения культуры аборигенов является Закон Республики Саха (Якутия) от 19 февраля 2009 г. «О защите и сохранении эпического наследия коренных народов Республики Саха (Якутия)».

Но трансформация практик сохранения культуры будет продолжаться и усиливаться. Как уже было отмечено исследователями, сохранение традиционного образа хозяйствования уже не может обеспечить потребностей

современного человека. Это противоречие разрешается за счет формирования экономической и политической элиты коренных этнических групп, которые берут на себя роль посредников (защитников и представителей) беднейшей части сородичей; при этом сами они ведут уже вполне современный образ жизни, интегрированы в городскую политическую культуру (Копцева, 2014). Свою лепту в процесс трансформации образа жизни аборигенов вносят крупные ресурсодобывающие компании, использующие территории традиционного природопользования и традиционной хозяйственной деятельности для своих производственных целей. Договорные отношения между общинами и такими компаниями обычно предполагают предоставление общинам техники, горючего, иных материальных благ, а их систематическое использование заметно изменяет быт коренных народов.

Трансформация традиционного образа жизни и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов порождает проблему, с которой в той или иной степени сталкиваются все современные государства, где такие народы живут. Это проблема признания в качестве коренных тех лиц, которые фактически уже ведут индустриальный или постиндустриальный образ жизни. Дело в том, что статус лица, относящегося к числу коренных народов, предполагает позитивную дискриминацию, предоставление дополнительных социальных благ, льгот, доступа к ресурсам и т.д. Оправдана ли позитивная дискриминация по отношению к тем лицам, которые, будучи по признаку родства коренными, фактически не осуществляют традиционную хозяйственную деятельность и не ведут традиционный образ жизни? Единства подходов тут нет, но часто ассимиляция означает утрату специального статуса. Довольно яркий пример – практика североамериканских индейцев, которые считают индейцем лишь того, кто не утратил связь с племенем. Сородичи, проживающие вне резерваций, никаких специальных прав уже не имеют; при этом членами племени иногда становятся и представители белой расы.

В России эта проблема стала поводом к судебному разбирательству. С конституционной жалобой в Конституционный Суд РФ обратился этнический долган, председатель общины этого коренного народа. Ранее он был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью четвертой статьи 33 и частью второй статьи 258 УК Российской Федерации (подстрекательство к незаконной охоте, совершенной группой лиц по предварительному сговору). С точки зрения общины, речь шла исключительно об охоте в интересах тех членов общины, которые в силу объективных причин (возраст, гендерная роль) сами охотиться на диких оленей не могли. Конституционный суд РФ пришел к выводу, что право на традиционный образ жизни имеют все лица, относящиеся к числу коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, в том числе и те, кто фактически не охотится. Суд отметил следующее: «особые права на использование объектов животного мира предоставляются всем лицам, относящимся к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, а не только тем из них, кто имеет статус охотника, поскольку для всех указанных лиц вне зависимости от их фактической и юридической способности самостоятельно осуществлять добычу охотничьих ресурсов, пользование объектами животного мира выступает основой их традиционного жизнеобеспечения в рамках традиционного образа жизни» (Постановление, 2019). Община коренных народов правомочна принять решение об обеспечении такого права, дав поручение охотникам охотиться не только в

своих интересах, но и в интересах других членов общины. Как видим, позитивная дискриминация признана правомерной и в отношении тех, кто фактически уже не осуществляет традиционную хозяйственную деятельность, но сохраняет связь с общиной.

Особая проблема, требующая изучения и анализа, - это проблема сохранения религиозной идентичности коренных малочисленных народов. Характерными для этой группы народов являются дохристианские культы (шаманизм, анимизм), распространено христианство, есть и последователи буддизма. Вместе с тем, довольно высок процент атеистов. Например, среди коренных малочисленных народов Приморья таких более половины (Этническая, 2018). Это свидетельствует о том, что процессы ассимиляции продолжаются, хотя и не такими темпами и не в таких формах как ранее. Одной из деструктивных тенденций является отказ от своих традиционных верований в пользу новых и не типичных для России культов, предлагаемых различными зарубежными религиозными миссиями. Следствием этого стала утрата (в силу разрушения самими же аборигенами) святилищ, связанных с прежней верой. В Ямало-Ненецком округе эти процессы оказались настолько выраженными, что потребовалось вмешательство регионального законодателя. Принятый закон «О миссионерской деятельности» ограничил такую деятельность именно по отношению к лицам из числа коренных малочисленных народов.

Позитивной практикой сохранения традиционных верований является деятельность Агинской буддийской академии в Агинском Бурятском округе Забайкальского края. В этом случае сохранение и распространение традиционной религии происходит посредством приобщения к традиционной тибетской медицине.

Таким образом, можно заметить, что практики сохранения идентичности коренных малочисленных народов в регионах Сибири не только вариативны, но и отличаются различной степенью успешности. Один из возможных факторов такой дифференциации – наличие или отсутствие дополнительных институциональных условий защиты прав и законных интересов лиц, относящихся к числу коренных малочисленных народов в этих субъектах Российской Федерации.

Успешные практики подкреплены формированием специальных публично-властных институтов в регионе. Например, в составе законодательных (представительных) органов государственной власти Югры и Якутии имеются Ассамблеи коренных малочисленных народов; в некоторых субъектах РФ учреждена должность специализированного омбудсмена – защитника прав коренных малочисленных народов (Магаданская область, Красноярский и Камчатский края, Республики Якутия и Бурятия); реже создаются специальные органы исполнительной власти (министерство по развитию Арктики и делам народов Севера в Республике Саха (Якутия), департамент по делам коренных малочисленных народов в Ямало-Ненецком автономном округе). Повсеместно в регионах Сибири созданы общественные советы с участием представителей от коренных малочисленных народов при главах муниципальных образований (как правило, муниципальных районов), однако их деятельность пока не очень эффективна. Эти институциональные формы дополняются деятельностью общественных объединений и съездов коренных малочисленных народов. Постепенно институционализируется практика взаимоотношений органов публичной власти, субъектов хозяйственной деятельности и представителей коренных малочисленных народов. Завершается процесс принятия

федерального закона, регулирующего порядок возмещения убытков, причиненных коренным малочисленным народам в результате промышленной деятельности на территориях их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности (с учетом результатов этнологической экспертизы).

Среди всех названных институциональных условий сохранения идентичной культуры коренных малочисленных народов особого внимания заслуживает институт уполномоченного по защите прав коренных малочисленных народов в субъекте РФ, поскольку он уникален (аналогов нет в других государствах). Целесообразность его учреждения по сей день оспаривается в самой Российской Федерации. Альтернативой институту защитника прав коренных народов является наделение такими же полномочиями «общего» уполномоченного по правам человека в регионе, что обеспечивается за счет формирования группы общественных помощников из числа коренных малочисленных народов, изучающих обращения именно этой группы лиц. Вместе с тем история формирования института указывает, что он возник как форма самостоятельной публичной активности самих аборигенов, поддержанная органами государственной власти субъектов РФ.

Опыт полномочного представительства коренных малочисленных народов в России сложился в период советского права. В 1921 году Декретом ВЦИК и СНК были учреждены полномочные представительства при Народном комиссариате по делам национальностей. Они были созданы в каждом автономном образовании (автономных республиках и автономных областях) (Белозерова, 2008). Когда Наркомат по делам национальностей прекратил свое существование, институт полномочных представителей был сохранен, а сфера его применения даже расширена за счет национальных округов (Филиппова, 2016:107).

В региональной практике институт был возрожден в 2001 году, когда в Хабаровском крае был принят специальный закон об общественных уполномоченных представителях коренных малочисленных народов при органах государственной власти края. Уполномоченными представителями могли быть как отдельные лица, так и объединения лиц (например, общины коренных малочисленных народов). Но позже институт уполномоченных представителей трансформировался в общественные советы с участием представителей коренных малочисленных народов при органах исполнительной власти и органах местного самоуправления. Обе формы нашли закрепление в федеральном законодательстве в качестве возможных (Филиппова, 2017).

С 2007 года региональные подходы к формированию института изменились: стали учреждаться уполномоченные по защите прав коренных малочисленных народов в качестве единой государственной должности специализированного омбудсмана (Красноярский край, Якутия и др.). Поскольку федеральное законодательство допускало такую практику, но фактически не ограничивало ее едиными правовыми рамками, региональные модели формирования и функционирования таких должностей оказались разными. Ранее нами были выделены красноярская, якутская и камчатская региональные модели этого института.

Особенность красноярской модели – особый порядок наделения полномочиями защитника прав коренных малочисленных народов и исключительно широкий перечень его полномочий. Уполномоченного по правам коренных народов назначал Уполномоченный по правам человека в

Красноярском крае, при этом решение принималось при согласовании с Законодательным собранием края. Камчатская и якутская модели характеризуются специфическим способом наделения полномочиями уполномоченного по правам коренных малочисленных народов и более скромным перечнем полномочий. Согласно законодательству Камчатского края кандидатуру на эту должность предлагает Губернатор края, а избирает Законодательное Собрание края. При этом Губернатор представляет в Законодательное Собрание Камчатского края не более трех кандидатов и с учетом мнения Ассоциации коренных малочисленных народов Севера Камчатского края. В Якутии уполномоченный по правам коренных народов назначается на должность Главой Республики при согласии на назначение регионального парламента (Филиппова, 2016:110). Предложения о кандидатах могут вноситься общественными объединениями коренных малочисленных народов.

Характерно, что законы субъектов РФ не устанавливают этнических цензов как для занятия должности уполномоченного по правам коренных народов в субъекте РФ, так и для вхождения депутата регионального парламента в состав Ассамблеи коренных малочисленных народов в таком парламенте. Поэтому считать эти институты собственными представительными учреждениями коренных малочисленных народов можно лишь условно. Собственным представительством скорее следует считать уполномоченное представительство в составе общественных советов при главах муниципальных образований и правительствах субъектов РФ. Но практика работы таких советов пока только складывается.

Выводы. Практики сохранения языковой, религиозной и культурной идентичности коренных малочисленных народов в регионах Сибири разнообразны, но в целом наиболее успешными остаются практики сохранения языков и бытовых («этнографических») традиций аборигенов. Религиозная идентичность постепенно распадается либо за счет выбора в пользу атеистического мировоззрения, либо за счет выбора христианского или буддистского мировоззрения; при этом представители коренных народов относительно легко становятся носителями нетипичных для России религиозных верований.

В ряду практик сохранения языков коренных народов наиболее важными представляются те, которые учитывают процесс вовлечения всех современных языков в киберпространство; в ряду образовательных практик – практика кочевых школ. Перспективными можно считать практики развития традиционных видов спорта и этнотуризма.

Вместе с тем, процессы ассимиляции коренных малочисленных народов, обусловленные трансформацией их хозяйственной деятельности, не прекращаются, что, вероятно, станет причиной размывания и утраты этнической идентичности некоторыми из этносов.

Система специальных региональных институтов, нацеленных на обеспечение и защиту прав коренных малочисленных народов, находится в процессе становления. Она представлена в регионах фрагментарно. К наиболее эффективным и, вместе с тем, не получившим широкого распространения институтам можно отнести уполномоченного по правам коренных малочисленных народов в субъекте РФ.

Әдебиеттертізімі / Список литературы

1. Ананидзе, 2000 – Ананидзе Ф. Р. Положение коренных народов в Северной и Латинской Америке // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2000. №2. – С. 109-117.
2. Ананидзе, 2016 – Ананидзе Ф. Р., Куцуров О.Ю. Правовое положение коренных народов Австралии // Пробелы в российском законодательстве. 2016. №8. – С. 367-372.
3. Арефьев, 2014 – Арефьев А.Л. Языки коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в системе образования: история и современность. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2014. – 488 с.
4. Белоозерова, 2008 – Белоозерова М.В. Деятельность представительств и уполномоченных по делам национальных меньшинств Наркомнаца в Южной Сибири (1920-1930-е гг.) // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История. Политология. 2008. Вып. 4, ч. 4. – С. 16-21.
5. Белолубская, 2014 – Белолубская В.Г. Языки коренных народов Севера: история и современность // Высшее образование в России. 2014. № 5. – С. 110-115.
6. Гаоанти, 2019 – Гарантии прав коренных малочисленных народов Севера, их реализация и защита в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре. Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре / Сост. Н.В. Сребкова. Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2019. – 349с.
7. Гарипов, 2012 – Гарипов Р.Ш. Федеральное индейское право США. Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2012. № 1. – С. 58-68.
8. Гоголев, 2014 – Гоголев П.В. Конституционно-правовые основы государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. М.: Изд-во МГУ, 2014. – 336 с.
9. Данные, 2010 – Данные всероссийской переписи 2010 // Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Официальный сайт – URL: <http://www.raipon.info/peoples/data-census-2010/data-census-2010.php> (дата обращения 01.06.2019).
10. Копцева, 2014 – Копцева Н.П. Влияние современных культурных практик на этническую идентичность коренных малочисленных народов Центральной Сибири // Социодинамика. 2014. № 1. – С. 1-27.
11. Костогрызлов, 2017 – Костогрызлов П.И. Конституционализация юридического плюрализма в латиноамериканских странах: сравнительный анализ национальных моделей // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 11. – С. 73-76.
12. Кряжков, 2010 – Кряжков В.А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М. Норма, 2010. – 560 с.
13. Максимова, 2017 – Максимова Д.Д. Особенности ведения охотничьего промысла традиционными общинами Канады // Канадский ежегодник. 2017. № 21. – С. 217-251.
14. О внесении, 2019 – О внесении изменений в статьи 21 и 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и статьи 15 и 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: Федер. закон от 6 февраля 2019 г. N 3-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 6. Ст. 461.
15. Постановление, 2019 – Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.05.2019 № 21-П по делу о проверке конституционности статьи 19 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Г.К.Щукина // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201905300042> (дата обращения 19.06.2019).
16. Филиппова, 2008 – Филиппова Н.А. Новая модель разграничения и децентрализации полномочий в системе российского федерализма: проблемы обеспечения интересов субъектов Российской Федерации // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2008. №8. – С. 420-438.
17. Филиппова, 2016 – Филиппова Н.А. Защитник прав коренных народов в России: становление института // Научный Ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2016. Т.16. Вып. 2. – С. 105-120.
18. Филиппова, 2017 – Филиппова Н.А. Представительство коренных малочисленных народов в России: новеллы федерального и регионального законодательства // Вестник Сургутского государственного университета. 2017. № 3. – С.77 -80.
19. Фролова, 2009 – Фролова А.Н. Развитие этнокультурных традиций воспитания детей коренных малочисленных народов Крайнего Северо-Востока России: социально-педагогический аспект: автореферат дис... д.пед.н.: 13.00.02. М., 2009. – 431 с.

20. Шармоянц, 2016 – Шармоянц А.Н. О модели разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти и субъектами Федерации в РФ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2016. Т. 2 (68). № 2. – С. 144-150.
21. Этническая, 2018 – Этническая и религиозная идентичность коренных малочисленных народов Приморья. 2018 // Приморский научно-исследовательский центр социологии. – URL: <http://primnic.ru/analitika/obshchestvo/etnicheskaya-i-religioznaya-identichnost-korennykh-malochislennykh-narodov-primorya/> (дата обращения 19.06.2019).
22. Югорская, 2017 – Югорская декларация о сохранении языков и развитии языкового разнообразия в киберпространстве в интересах устойчивого развития // IX Международный IT-форум с учетом стран БРИКС и ШОС. г. Ханты-Мансийск, 6-7 июня 2017 г. – URL: <https://itforum.admhmao.ru/2017/info/yugorskaya-deklaratsiya-o-sokhraneni-yazykov-i-razviti-yazykovogo-raznoobraziya-v-kiberprostranstv/> (дата обращения 01.06.2019).

References

- Ananidze 2000 – Ananidze F.R. Polozhenie korennykh narodov v Severnoy I Latinskoй Amerike // Vestnik RUDN. S. Juridicheskiye nauki. 2000. №2. – S. 109-117. [In Rus.]
- Ananidze, Kutuzov 2016 – Ananidze F.R., Kucurov O.Ju. Pravovoe polozhenie korennykh narodov Avstralii // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. 2016. № 8. – S. 367-372. [In Rus.]
- Aref'ev 2014 – Aref'ev A.L. YAzyki korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri Dal'nego Vostoka v sisteme obrazovaniya: istoriya i sovremennost'. M.: Centr social'nogo prognozirovaniya i marketinga, 2014. – 488 s. [In Rus.]
- Belozeroва 2008 - Belozeroва M.V. Deyatel'nost' predstavitel'stv i upolnomochennykh po delam nacional'nykh men'shinstv Narkomnaca v YUzhnoy Sibiri (1920-1930-e gg.) // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. 2008. Vyp. 4, ch. 4. – S. 16-21. [In Rus.]
- Belolyubskaya 2014 – Belolyubskaya V.G. YAzyki korennykh narodov Severa: istoriya i sovremennost' // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2014. № 5. - S. 110-115. [In Rus.]
- Garantii 2019 – Garantii prav korennykh malochislennykh narodov Severa, ih realizatsiya i zashchita v Hanty-Mansijskom avtonomnom okruge – YUgre. Special'nyj doklad Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Hanty-Mansijskom avtonomnom okruge – YUgre / Sost. N.V. Srebkova. Hanty-Mansijsk: Print-Klass, 2019. – 349s. [In Russian]
- Garipov 2012 – Garipov R.SH. Federal'noeindejskoepravo SSHA. ZHurnal zarubezhnog ozakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2012. № 1. – S. 58-68. [In Rus.]
- Gogolev 2014 - Gogolev P.V. Konstitucionno-pravovye osnovy gosudarstvennoj politiki v otnoshenii korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri Dal'nego Vostoka. M.: Izd-vo MGU, 2014. – 336s. [In Rus.]
- Dannye 2010 – Dannye vserossiyskoй perepisi 2010 // Associatsiya korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka. Oficial'nyj sayt – URL: <http://www.raipon.info/peoples/data-census-2010/data-census-2010.php> (data obrashcheniya 01.06.2019) [In Rus.]
- Kopceva 2014 – Kopceva N.P. Vliyanie sovremennykh kul'turnykh praktik na etnicheskuyu identichnost' korennykh malochislennykh narodov Central'noy Sibiri // Sociodinamika. 2014. № 1. - S. 1-27. [In Rus.]
- Kostogryzov 2017 – Kostogryzov P.I. Konstitucionalizatsiya yuridicheskogo plyuralizma v latinoamerikanskih stranah: sravnitel'nyj analiz nacional'nykh modelej // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2017. № 11. – S. 73-76. [In Rus.]
- Kryazhkov 2010 – Kryazhkov V.A. Korennye malochislennyye narody Severa v rossiyskom prave. M. Norma, 2010. – 560s. [In Rus.]
- Maksimova, 2017 – Maksimova D.D. Osobennosti vedeniya okhotnicheskogo promysla traditsionnymi obshchinami Kanady // Kanadskii ezhegodnik. 2017. № 21. – S. 217-251. [In Rus.]
- O vnesenii, 2019 – O vnesenii izmenenii v stati 21 i 26.3 Federalnogo zakona «Ob obshchikh printsipakh organizatsii zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoy vlasti subiektov Rossiyskoй Federatsii» i stati 15 i 16 Federalnogo zakona «Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoй Federatsii»: Feder. zakon ot 6 fevralia 2019 g. N 3-FZ // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii. 2019. № 6. St. 461. [In Rus.]
- Postanovlenie, 2019 – Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoй Federatsii ot 28.05.2019 № 21-P po delu o provere konstitutsionnosti stati 19 Federalnogo zakona «Ob okhote i o sokhranении okhotnicheskikh resursov i o vnesenii izmenenii v otdelnye zakonodatel'nye akty Rossiyskoй Federatsii» v svyazi s zhaloboi grazhdanina G.K. Shchukina // Ofitsialnyi internet-portal pravovoi informatsii. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201905300042> (data obrashcheniya 19.06.2019). [In Rus.]

- Filippova, 2008 – Filippova N.A. Novaia model razgranicheniia i detsentralizatsii polnomochii v sisteme rossiiskogo federalizma: problemy obespecheniia interesov subiektov Rossiiskoi Federatsii // Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN. 2008. №8. – S. 420-438. [In Rus.]
- Filippova, 2016 – Filippova N.A. Zashchitnik prav korennykh narodov v Rossii: stanovlenie instituta // Nauchnyi Ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN. 2016. T.16. Vyp. 2. – S. 105-120. [In Rus.]
- Filippova, 2017 – Filippova N.A. Predstavitelstvo korennykh malochislennykh narodov v Rossii: novelly federalnogo i regionalnogo zakonodatelstva // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 3. – S.77 -80. [In Rus.]
- Frolova, 2009 – Frolova A.N. Razvitie etnokulturnykh traditsii vospitaniia detei korennykh malochislennykh narodov Krainego Severo-Vostoka Rossii: sotsialno-pedagogicheskii aspekt: avtoreferat dis... d.ped.n.: 13.00.02. M., 2009. – 431s. [In Rus.]
- Sharmoiants, 2016 – Sharmoiants A.N. O modeli razgranicheniia polnomochii mezhdru federalnymi organami gosudarstvennoi vlasti i subiektami Federatsii v RF // Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Iuridicheskie nauki. 2016. T. 2 (68). № 2. – S. 144-150. [In Rus.]
- Etnicheskai, 2018 – Etnicheskai i religioznaia identichnost korennykh malochislennykh narodov Primoria. 2018 // Primorskii nauchno-issledovatel'skii tsentr sotsiologii. – URL: [http://primnic.ru/analitika/obshchestvo/etnicheskaya-i-religioznaya-identichnost-korennykh-malochislennykh-narodov-primorya/\(data obrashcheniia 19.06.2019\)](http://primnic.ru/analitika/obshchestvo/etnicheskaya-i-religioznaya-identichnost-korennykh-malochislennykh-narodov-primorya/(data+obrashcheniia+19.06.2019)). [In Rus.]
- Iugorskaia, 2017 – Iugorskaia deklaratsiia o sokhranении iazykov i razvitii iazykovogo raznoobraziia v kiberprostranstve v interesakh ustoichivogo razvitiia // IX Mezhdunarodnyi IT-forum s uchstiem stan BRIKS i ShOS. g. Khanty-Mansiisk, 6-7 iunია 2017 g. – URL: [https://itforum.admhmao.ru/2017/info/yugorskaya-deklaratsiya-o-sokhranении-языков-i-razvitii-языkovogo-raznoobraziya-v-kiberprostranstv/ \(data obrashcheniia 01.06.2019\)](https://itforum.admhmao.ru/2017/info/yugorskaya-deklaratsiya-o-sokhranении-языков-i-razvitii-языkovogo-raznoobraziya-v-kiberprostranstv/(data+obrashcheniia+01.06.2019)). [In Rus.]